

Незакрытый гештальт

"Я направлю режим больных к их выгоде
сообразно с моими силами и моим разумением,
воздерживаясь от причинения всякого вреда
и несправедливости..."

...Что бы при лечении — а также и без
лечения — я ни увидел или ни услышал
касательно жизни людской из того, что
не следует когда-либо разглашать,
я умолчу о том, считая подобные вещи
тайной. "

Из текста "Клятвы Гиппократ"

Она решила, или ей настойчиво сказали, что я помогу в ее болезни. А болезнь имела только вид – "плаксивый", с платком, зажатым в кулаке, с покрасневшим кончиком носа, воспаленными веками и смешливыми глазами: эта женщина создавала впечатление веселого, во всяком случае, не без чувства юмора, человека, но в просьбе о помощи выразила себя всей своей статью, будто родственница Марии Ермоловой. Да, появилась она в помещении кафе с гордой осанкой; сопровождающий ее мужчина, как потом стало件нятно, - телохранитель и водитель в одном лице, может и еще кто-то в другом..., тоже лице, указал ей направление, в котором надо идти, чтобы оказаться со мной за одним столом. Судя по всему, он знал меня в лицо: я помнил, как он заглянул сюда несколько минут назад, а заприметив меня, тут же ушел. Как "разведчик" сработал, чтобы через пару минут состоялась наша встреча.

Она назвалась Изабеллой. Естественно, что прежде у меня возникла приятная ассоциация с вином из винограда "Изабелла", но пришла мысль, что буду не первым, кто реагирует на ее имя, а потому я никак не стал реагировать на редкое имя, говорить комплименты: что-то подсказывало, что с этим человеком надо будет изображать только учтивость, во всяком случае, в начале общения. Она смотрелась старше меня, гораздо, как мне тогда казалось. Я был возраста больше тридцати лет, а мне она виделась почти пожилой, - это когда за пятьдесят, как мне в те годы представлялось! Потом возникло мнение, что именно этого она не любит, что хочет быть помоложе, хочет не почтенного отношения, а равного, как если бы мы встретились для "адюльтера".

Нет, мне надо было остановиться, чтобы не начать наше знакомство с ухмылки. Хотя, что-то же наводило меня на такой тон, располагало меня к шутке, даже к сарказму. Классовый антагонизм? Всего лишь классовый?! Или что-то еще вызывало эти смешанные чувства?

"Телохранитель", уходя, сделал знак официанту и тот пулей оказался около нашего столика. Она попросила стакан воды, я еще одну чашечку кофе – любил я тогда этот напиток, пил его без меры, иной раз до отвращения...

Изабелла поначалу смотрела своими слезливыми глазами несколько недоверчиво, как можно это делать с продавцом дорогой ювелирной цацки или, скажем, с гинекологом, с которым встречаешься не в кабинете. Действительно, в кабинет ко мне она не пошла, и я тут же отказался с ней встречаться, но когда мне обозначили сумму гонорара, даже по телефону это прозвучало ярко, как если бы на блокноте написали и придвинули близко к глазам запись; и мы бы сидели с ее водителем за этим же столом и... не торговались. Конечно же я согласился, больше не задавая лишних вопросов; и, конечно же, набрался наглости и

попросил невозвратной предоплаты. Я тогда уже хорошо знал всю эту элитную публику, которая за короткое десятилетие стала богатой; знал, что с ними играть в деликатность – себя не уважать... Хотя, не со всеми, конечно же – были у меня и редкие друзья среди них...

Беседа наша началась с простого ее заявления:

-Вы видите, я плачу? – сказала она и устала на меня, немного расширив глаза, затем утерев их платком.

Что-то останавливало меня от того, чтобы начать говорить банальности, задавать вопросы о несчастье, постигшем ее. Я должен был в самом начале удивить ее своей прозорливостью, чтобы в ней возросло доверие ко мне, чтобы это доверие не было основано исключительно на чьих-то заверениях или рекомендациях. Поэтому я лишь кивнул, уставился на красноватый кончик ее носа; я с трудом сдержал себя от желания спуститься взглядом ниже, потому что глубокий вырез и солидная грудь, выделенная ухищрениями покроя ее платья, демонстрировали очевидность невероятного размера...

-Я плачу уже больше года. Я обошла много специалистов и разные клиники. Даже за границей. Чего только не говорили... Принимала лекарства, но они только отупляют. Все безрезультатно! К нашим колдунам ходила... А плакать продолжаю! Я не верю, что вы мне поможете, но мне настойчиво вас рекомендовали, понимаете?

-Нет, - отвечал я ей искренне, – не понимаю, что такая как вы может подчиниться чужой настойчивости... Много чего вам могут рекомендовать, а вы человек здравомыслящий, рациональный, вы с самого начала говорите мне, что знаете, что я вам не смогу помочь! Вы понимаете, наверняка должны понимать, что ставите меня в заведомо проигрышное положение, что используете довольно примитивный прием на "слабо", делая это то ли по привычке, то ли по доброте своей душевной, а может и от характера своего, а скорее, от отчаяния!.. Впрочем, сейчас это уже не важно. Важно лишь то, что плачете не вы, а кто-то другой, кому вы сделали или делаете больно...

Конечно же я ожидал реакции, но не рассчитывал, что эта женщина так вот заметно побледнеет! В принципе, она могла встать и уйти, и, может быть, это было бы лучше для нее и для меня – особенно для меня. Но она лишь большую заинтересованность высказала:

-А вот это мне уже нравится! Говорили все, повторялись в основном, но такую версию, как ваша, еще никто не высказывал. Теперь, будьте добры, поясните, что вы имеете в виду?

-Неприменно поясню, если вы мне расскажите про себя, про ваше прошлое – про пережитое до сего дня. Ведь, согласитесь, вы бы не стали так очевидно реагировать на мои слова, если бы не знали за собой вины в том, что сейчас с вами происходит... - вот тут я с удовольствием заметил, каким гневом наливаются ее глаза, как гримаса злобы начинает кривить ее рот.

-Имею в виду, - продолжил я, - вы бы не стали так удивляться и злиться теперь, если бы не помнили события прошлого, которые не дают вам покоя. Давайте пока не будем брать во внимание ни мою оценку того, о чем я не имею представления, - тут я состроил легкую, еле заметную ухмылку, дескать очень даже имею это самое представление, - ни ваше отношение к моей оценке, которой не существует, а всего лишь вспомним, после какого события начались ваши слезы? Неужели вас кто-то мог обидеть?! – теперь я ухмылялся откровенно, да так, будто восхищаюсь силой ее духа.

Она приняла мое восхищение, хмыкнула пошло, как это делают подростки или киношные бандиты, сказала:

-Ага, не родился еще тот, кто меня попробует обидеть!.. Но вы правы, случилось событие, после которого начались слезы....

И без паузы она пустилась в воспоминания. Впрочем, мне потом стало ясно, что она, в какой-то степени, была уже готова к этому вопросу.

-Я испугалась! Дело в том, что на работе мужа начались... изменения. Он у меня работает в известном месте, состоит в совете директоров. Вы знаете, как верхушка власти борется за территории, за предприятия, за деньги, за ресурсы во всех видах и формах, как все жрут друг друга... Сейчас ведь происходит процесс становления бизнеса в России. После дикого образа жизни, который у нас назывался социализмом, мы, наконец, оказались в пространстве цивилизованного мира, но в его первичной фазе, когда происходит накопление первоначального капитала. Не всегда это происходит в рамках закона, если всерьез относиться к понятию законности, если не задумываться над тем, кто и для чего пишет все эти законы... Одним словом, когда муж пришел с работы и мне все рассказал, когда я вникла в его проблемы, мне вдруг показалось, что все мое благополучие рухнет прямо на глазах – у меня на глазах! Я начала плакать, я вела себя отвратительно, за что потом много раз просила у него прощения. Ему и так было плохо, а я себя показала плаксивой дурочкой! Господи, почему я вам это говорю?! Это гипноз какой-то, вы применяете какой-то гипноз? – она постаралась себя остановить, но чувства ее, как шторм, сносили прочь ее гордость, осмотрительность; она махнула рукой и продолжила - вероятно, именно сейчас в ее представлении прошлого выстраивалась простая хронология событий, отчего ей становилось легче.

-...Плевать! Я испугалась настолько сильно, что не могла спать. Я не спала несколько ночей и как-то в дреме увидела свою младшую сестру – покойницу. Она стояла как живая и смотрела на меня. Но ничего не говорила. Просто смотрела, а я чувствовала, знала, о чем она думает. Я понимала, что она не злорадствует; она вообще была другим человеком, не способным на такие чувства. Но она и не осуждала меня. Она просто смотрела, хотя и не безучастно. Ну как бы вам сказать...

-Она была в светлом летнем платье, такая же красивая, как в жизни, и вы слышали ее мысль о том, что... все будет хорошо, все устроится.., - подсказывал я ей, выговаривая эти слова другим голосом, будто не я говорил, будто слова эти прозвучали откуда-то, сами по себе образовались в пространстве...

Изабелла широко раскрыла глаза, произвела какой-то странный гортанный звук, так что все посетители кафе обернулись на нас. Тут же к нам подлетел ее охранник-водитель, но она совладала с собой, сделала жест, чтобы он вернулся за свой столик; вслед ему отдала команду:

-Игорь, закажи мне бокал вина!

Она справилась с собой быстро, стала смотреть мне в глаза так, чтобы я не убрал свои прочь, чтобы отнестся к ней внимательнее и больше не проявлял своего характера: теперь она не станет возвышаться в своем высокомерии, - она видела меня в момент своего всплеска безудержных чувств, она видела в спокойном взгляде тепло сочувствия, и этого ей было достаточно, чтобы на короткое время довериться вообще!

-Да, верно вы сказали, она дала мне почувствовать, что все может еще обойтись, потому что уехать из этой проклятой страны мы уже не успели бы. Муж вскоре справился с ситуацией, взял все под контроль, за месяц все встало на места, проблема решилась, были найдены люди, их назначили виновными, начались расследования. Мы уехали в Тель-Авив, потом переехали в Лондон. Сейчас мы еще можем приезжать в Россию, что будет потом, - не знаю. Алкоголику президенту не долго осталось..... Вот с тех пор, а прошло уже больше

трех лет, я все плачу. Привыкла уже, но все еще сохраняю надежду, что кто-то поможет мне избавиться от этого заболевания...

-Изабелла, а отчего человек плачет? – спросил я и замер в ожидании ответа.

-Я не знаю, не думала над этим, - отвечала она.

-Вы не подросток, чтобы использовать такой ответ для "отмазы" – "не знаю".

Всякий здравомыслящий человек способен дать ответ на вопрос, отчего люди плачут, от каких чувств, переживаний. Вообще, что это такое – слезы?

-Вероятно, когда человеку больно? – сказала она.

-Согласен. Больно, потому что где-то в пространстве его физического тела, или психического тела, есть источник – причина, вызывающая боль. Да, в тот момент, когда вы подумали, что можете лишиться своего статуса, именно статуса, потому что все ваши активы и все такое давно уже спрятано в оффшорах или как-то иначе, вы получили болевой шок. Но после, когда все улеглось, когда источник страха и боли исчез, вас должно было отпустить! Так работает психика человека, в принципе, все плохое забывается, если не произошло связка с чем-то более существенным, дремавшим до поры до времени. Знаете, это как одна болезнь, истощив организм, вызывает другое заболевание, которое латентно, которое перешло в фазу хронической болезни и лишь до поры до времени пряталось в организме. Но мы не про теории сейчас говорим, не выдвигаем версии про этиологию рака, к примеру. Мы, вероятно, должны иметь ввиду вашу встречу с сестрой! Это вас шокировало больше, чем событие реальности. Эта реальность – встреча с сестрой – оказалась для вас незакрытым гештальтом...

-Не знаю, какой там гештальт устроила моя сестра! – не сложно было услышать в ее словах раздражение. – Мне этот гештальт не нужен! Вам заплатили, вы и убирайте у меня все эти гештальты.

-Да, - согласился я, - простите меня за птичий язык. Во всем виновата, снова виновата, ваша сестра!..

Тут требовалась пауза – я замолчал, глядя на нее внимательно, как делает учитель, ожидая ответа от ученика на поставленный вопрос. Она тоже молчала, она ждала пояснений с моей стороны. Наконец, не выдержала, сказала:

-Я вас не понимаю.

-Ну как же! Ваша сестра мертва, а вы живы. Она пришла к вам на помощь, когда вам было не вмоготу, а вы после встречи с ней плачете и плачете. Почему, разве вы не знаете? И не верите, что это было сном, галлюцинацией... Вы встретились, она проявила себя такой, какой была всегда, а вы никак не можете ее отпустить... Забыть окончательно! Что-то ведь держит вас на привязи! Я не про вину, я про то, что вы чего-то не простили ей, покойнице!

Теперь она была в замешательстве, и вместе с тем пыталась выглядеть собранной; теперь она еще не замечала, что глаза ее вдруг высохли – они перестали так явно слезиться! Она смотрела на меня с нескрываемыми чувствами, она моргала часто, а потом преподнесла платок к глазам и высказала удивление:

-Странно, но у меня сейчас будто песок в глазах... Они перестали слезиться!

-Не беспокойтесь, они скоро снова залются слезами, если вы не решите для себя, оставить ее в покое, или продолжать ненавидеть?!

-А кто вам сказал, что я ее ненавижу?! – это был не гнев, не агрессия; она задавала вопрос.

-Вы к ней испытываете какие-то чувства, которые не дают вам покоя. Вам не обязательно мне о них говорить, вы лишь подумайте о чувствах к сестре, а я вам задам один единственный вопрос.

Она уставилась перед собой, будто действительно смотрела в глаза сестры. А я спросил ее:

-Вам не дает покоя даже покойница. Вы ее боитесь, вы ожидаете, что понесете наказание за то, что когда-то совершили в отношении нее. Это называют кармой, грехом – как угодно. Вы боитесь возмездия, хотя знаете, что если человек не будет чувствовать вины, вряд ли ему прилетит "обратка"! Иначе злодеи все были бы наказаны гневом божьим...

-Я атеистка! – сказала она.

-Не мы выбираем бога, а он нас... еще до рождения нашего!

-Вы мессия? – зло ухмыльнулась она.

Я с удовольствием принял ее игру, улыбнулся от души, сказал:

-Нет, мне об этом поведал шизофреник, и сделал это настолько убедительно, что вот, к месту, я и вспомнил. Вы ведь не шизофреничка, чтобы всерьез относиться к своей галлюцинации. Но вы ее принимаете всерьез, со страху, вон, снова готовы заплакать...

-Но я не плачу! – она поначалу возмутилась, а потом скоро очень обрадовалась.

-Это пока! Пока находитесь в промежутке между прошлым и будущим, пока имеете право легко ответить на вопрос: чего вы не способны были простить вашей сестре? Даже с того света она вам невыносима, и вы плачете по ней! Вам ее не хватает? Ну кто сказал, что вы ее убили?! Вы гневаетесь! Сильно гневаетесь, вы ненавидите ее! Но за что?!

-Кто вам сказал, что я ее ненавижу! – вскрикнула она. – С чего вы взяли?!

-Верно, здесь нет никакой логики! – поддержал я ее. – Я лишь руководствуюсь наблюдениями за вашей невербаликой, за тем, когда вы плачете. Вы не плачете, пока мы стоим у изголовья ее могилы. Когда мы уйдем, вы заплачете снова, даже сильнее, чем раньше. Вы увидите сон, или это будет наяву, но встреча состоится. Вот после нее мы и встретимся снова. Вы так и останетесь стоять у ее изголовья, плакать, рыдать, или не делать этого! Поговорите с ней, выскажите все, что не сказали при жизни! И узнаете что-то новое... А на сегодня все.

Я откинулся на спинку стула, она оставалась сидеть в застывшей позе.

-Посидите немного, вас ведь отвезут домой.... – сказал я и жестом подозвал Игоря.

Тот быстро подошел. Я отвел его в сторону и разъяснил, что в ближайшее время – день, два, или, может быть, больше, "наша" Изабелла будет чудить немного и говорить всякие странности. Надо принимать ее такой, какой она будет в это время, и главное, не допускать к ней посторонних. А потом мы встретимся снова. И я закончу свою работу.

-Если с ней что-то случится, ты знаешь, что с тобой сделают!.. - сказал он мне банальность, за что в ответ получил требование заплатить мне вперед при следующей встрече. А еще я сказал тривиальность, что все мы под богом ходим, неровен час, некому будет мстить... Он будто растерялся на мгновение, затем посмотрел на меня "по-мужски"; и драться мы не стали...

Следующая встреча состоялась через пару дней. Позвонила сама Изабелла, с привычной повелительностью в тоне назначила встречу в парке, сказала, что погода располагает, что надоели люди и "коробки помещений".

Рассчитала она верно – в парке было уютно, безлюдно, ветер шевелил листья на ветвях, они сыпались на асфальтированные тропинки, напоминая о начале осени, шуршали под ногами. А позади вышагивал незаменимый Игорь – руки он держал в карманах куртки, выглядел серьезным человеком, так что

внимательный прохожий непременно бы догадался, что позади нас следует охрана, и быть может вооруженная...

-Я понимаю, что вы мне внушили, будто я непременно должна встретиться во сне с Машей. Я бы не встретилась с вами больше, если бы не случилось то, что случилось. Вы заметили, я не плачу больше. У меня сухие глаза. Мне больше не надо постоянно держаться за платок, как за спасительную соломинку. И я опасаясь теперь еще больше, что все вернется, что этот эффект недолгий. Это как раз очень раздражает. Я бы не встретилась с вами, потому что вы свою работу выполнили. Но от страха, что все вернется, я пошла на поводу у вас – подчинилась вашему внушению. Если все дело в деньгах, то вам при встрече заплатили вперед и мы можем разойтись. Я вообще хотела послать на встречу Игоря, чтобы только не встречаться с вами. Но вот, поймите меня, я никак не могу сообразить, что же это было, когда произошла встреча с Машей. Ведь все случилось не во сне, я не была под гипнозом как у вас на прошлой встрече. Все было спокойно, после хорошего сна – я впервые выпалась, наверное, за все последнее время... И на тебе, я как бы спохватываюсь, когда все уже произошло! Просто, на веранде, я стояла и смотрела перед собой, смотрела на крыши домов, а потом бац, и все случилось. Причем, понимаете, в тот момент я ко всему отнеслась так же обыденно, как к нашей встрече, как ко встрече с любым другим человеком, когда это происходит наяву!

В пальто и с шарфом бирюзового цвета она смотрелась солидно, богато. И было видно, насколько она взбудоражена – она моргала часто, губы ее блестели, как мне показалось, не от подростковой помады с блеском; а главное – еще и этот блеск глаз! В общем, она вся была такой блестящей и даже помолодевшей...

-Я с ней разговаривала долго, - продолжила Изабелла, - но сколько по времени, не могу сказать. Реально, мне кажется, прошло несколько минут, а в ощущениях, чуть ли не час. Мы вспомнили наше детство, - много всяких деталей и разногласий, - поговорили о маме, как мне показалось, как вдруг она говорит мне, чтобы я, понимаете, я передала вам, что я – Изабелла – такая есть, какая я есть, что она простила меня давно, и что плачет только потому, что я – Изабелла – ее никак не отпущу от себя! Понимаете, какой бред! Я ее спрашиваю, а как я могу отпустить, что должна сделать, если она считает, что я ее не отпускаю?! Она ответила, что просто перестать ходить ко мне на могилу, не бывать так часто на кладбище. А жить своей жизнью, просто позабыв о ней. Не она виновата, что мы получились такими разными!

-Ну да, - легко подключился я, - она не виновата, что получилась настолько привлекательной, насколько надо, чтобы вспоминали поговорку – не родись красивой, а родись счастливой! Вы же ей всю свою жизнь простить не можете, что она была центром внимания всякий раз, когда появлялись молодые люди, а вас никто не замечал.... Вы имеет совершенно невыразительную внешность, и вы это знаете, с этим смирились – вон, вы даже одеваетесь не броско, чтобы не привлекать к себе внимание; вы не маячите в кругах вашего класса, чтобы только заявиться и блеснуть! Вы – мышь серая! И знаете это. И никогда не простите своей сестре то, что не имели такой яркой, "породистой" внешности. Ваш отец был простолюдином, а ее – породистым кобелем. Вы ведь сводные. Время было пролетарское, а ее чтили больше, чем вас – простую. Вы ненавидели ее, она снисходительно вас принимала, как и недавно во сне на веранде, она приняла ваш характер, попросила меня прекратить вашу жизнь на кладбище...

Изабелла плохо понимала мои слова, шла по-прежнему; смотрела перед собой, и то ли от ритма шага, то ли в согласии кивала...

-Изабелла! – будто встряхнул я ее за плечи. – Вы всего лишь не можете простить Маше ее красоту, все еще соревнуетесь с ней и всю вашу жизнь

построили так, чтобы ей было больно, чтобы она продолжала страдать. Вы думали раньше, что если убьете ее, вас отпустит. А получилось наоборот, когда ее не стало, вы будто потеряли смысл жизни, вкус к этой жизни. Вы ведь привыкли жить так, чтобы ей было тошно. А когда ее не стало, вы оказались в одиночестве. Короче, без нее ваша жизнь не может происходить, и вы ошиблись, что убили ее, потому что надо было оставить ее жить и красоваться перед ней своей "счастливостью" и удачливостью, чтобы довести ее до самоубийства. Хотя, вы знаете, что она могла довольствоваться самым малым и вряд ли была способна на большую зависть. В принципе, верно, что убили. Таким образом, вы поставили ее на место! А ваши слезы – это всего лишь плата за право продолжать измываться над ней, теперь уже демонстрируя свои привилегии над ней, как над мертвой уже... Сейчас вы ее не отпустите, но если решитесь на это, просто съездите к ней на могилу и отругайте, потом сами покайтесь... Получится, ваши слезы уйдут навсегда...

Она остановилась, повернулась ко мне своей массивной грудью. Она смотрела мне в глаза и я должен был бы дождаться возмущения, криков. А она серьезно спросила:

-А вы не хотите узнать, как я ее убила?

Я отвечал сразу:

-Нет. Мне гораздо интереснее знать, как вы станете жить дальше. С вами ничего не случится, вы проживете жизнь и умрете в глубокой старости, слава богу, не на российской земле; вы не будете знать лишений и бед, вам будут завидовать ваши знакомые, потому что ваше здоровье будет вызывать зависть у всех, кто со старостью хиреет, приобретая все новые и новые болезни. Все у вас будет замечательно! Вот только одного чувства не сможете пережить заново – чувства превосходства над покойницей! Это если съездите на могилу и отчитаете ее ни за что, при этом сама, типа, покается, расскажете ей все, что сейчас я вам говорю. Иначе будете всю жизнь обливаться слезами, пока вам это не надоест окончательно... И вы непременно, все равно, поедете на могилу и проведете этот, скажем так, ритуал... Зачем откладывать неминуемое?..

Изабелла заговорила в глубокой задумчивости, будто вынырнув из омута своей души; и между тем наблюдая за мной будто почерневшими глазами.

-Машка заболела сразу после смерти мамы. Я договорилась со своей знакомой, та поставила Маше диагноз – онкология. Мы прописали ей химию, которая ее и убила. Вы знаете, она в гробу была оранжевой...

Я сделал вид, что не слышал ее слов. Завершил свою "миссию":

-Даже если вы сломаете ногу, попросите Игоря отвезти вас на кладбище. И помните, такие люди, как вы, проживают долгую жизнь, не иначе... Всего доброго!

Я ушел. Вслед не услышал ни слова, ни вдоха.

...Она мне позвонила где-то через месяц. Спросила, не является ли знаменем тот факт, что за день до намеченной поездки на кладбище, она умудрилась дома свалиться с лестницы, со второго этажа, и сломать... две ноги? Но тут же поспешила добавить, что с загипсованными ногами Игорь ее отвезет на кладбище. Она все сделает как надо.

-Спасибо вам! – услышал я в трубку эти ее слова с придыханием. – Я бы никому не смогла это рассказать, меня бы никто так не понял, как вы. Мне стало гораздо легче жить, Машу больше мучить не могу... И я не плачу совсем! Я не могу плакать!..

-Вы перестали плакать! – поправил я ее.

-Да, я перестала плакать! – вторила она мне.

-Я простила Машу! – сказал я.

-Я простила Машу! – снова вторила она мне.

-Я извинюсь перед ней и непременно отпущу ее!
-Я извинюсь перед ней и непременно отпущу ее!

Азарян Александр
Май 2019